

Глава 1

Мать Натку так и не увидела, ни глазком не глянула на дочь. Да и Натка тоже, можно сказать, что маму свою знала только по фотографиям и рассказам бабушки Дарьи Ивановны. Наткина мать имела редкое для захолустной деревушки имя — Элеонора. Что сподвигло бабушку так назвать свою дочку, внучке она никогда не рассказывала, но от теток деревенских слух ходил, что Наткина бабушка Дарья в молодости была не только умна и чрезвычайно характерна, но и дивно хороша собой. И ездила даже в самую Москву, на какой-то съезд. Там и услышала сие диковинное для сельских мест имя. После, когда ударница труда и передовая доярка Дарья Никиткина вышла замуж за Гаврила Рыбакова, справного серьезного деревенского парня, выучившегося в городе на агронома, никто тому не удивился — пара была на загляденье.

А вот когда у Рыбаковых родилась дочка и, вопреки желанию Дарьиной свекрови, была назва-

Алена Берндт

на Элеонорой, та предрекла девочке несчастливую судьбу. Это положило конец общению Дарьи со свекровью на всю жизнь, до самой смерти последней.

Однако Гаврилина мать оказалась права, не было счастья в судьбе Элеоноры, да и саму Дарью счастливой трудно было назвать. Дарья рано овдовела — неведомая хворь свалила Гаврилу, когда ему было чуть за тридцать, угас он за считанные дни.

Оставшись с дочкой, Дарья держала Элеонору в строгости, любовью и лаской не баловала, за провинность бывала Элька и бита-колочена, и в холодном чулане ночевала за принесенную из школы тройку. Хотя учеба давалась Эльке легко, и тройки случались не часто, скорее из-за недосмотра или редко случавшейся лени девочки.

Учителя прочили способной девочке большое будущее, а деревенские кумушки судачили, что девочка хороша необычной для деревни красотой.

Эля была тоненькая, изящная, словно паутинка в сентябре, которую несет вдаль еще по-летнему теплый ветерок. В кого такая уродилась, удивлялись бабы, но громко шептаться про это не смели — за такое можно было получить от дородной Дарьи так, что долго в голове гудеть станет.

Окончив восьмилетку, Элеонора поехала учиться в райцентр, в лучший техникум, на бухгалтера. Тут уж стали судачить, что в родной колхоз такая краса не вернется — присмотрят ее женихи, не чета деревенским.

Что там случилось, доподлинно неизвестно, много слухов ходило по деревне. Болтали, что пригляну-

Рубль-пять

лась Эля сыну какого-то партийца в высоком чине, и тот жениться вознамерился. Но в деревню Эля тогда и в самом деле не вернулась. Дарья ничего не рассказывала про дочь, а ее никто и не спрашивал, побаивались ее острого языка и сурового нрава. А только ходила Дарья мрачнее тучи.

Прошло несколько лет, и объявилась Эля в деревне... От автобуса, дважды в день приходившего в деревню из райцентра, шла женщина в светлом платье и косынке. Шла она, тяжело ступая, потому что была на сносях.

Старухи на скамейке у забора с удивлением опознали в женщине Элеонору. Она вошла в свой двор и скрылась в доме. Старухи, ожидая хоть что-то распознать со двора Рыбаковых, услышали только звон лязгнувшей на двери щеколды.

Так же тихо и незаметно уходила Эля из родного дома следующим утром в сторону автобусной остановки, и больше ее в деревне никто никогда не видел. Бабки шептались, что жестокосердная Дарья не пустила домой беременную невесть от кого дочь, выгнала на все четыре стороны. Как было на самом деле, никто никогда так и не узнал.

А по осени, когда уже распутица прошла по местным дорогам своей бороной, случилось нечто, украсившее досуг скучающих деревенских сплетниц.

С приехавшего с большим опозданием из райцентра автобуса сошла средних лет женщина в строгом сером пальто. Кое-как пробираясь в своих коротких ботиночках по разъезженной уличной

Алена Берндт

грязи, женщина оглядывала дома в поисках написанных на них названий улиц и номеров домов.

Остановившись перед домом Дарьи Рыбаковой, женщина стряхнула с пальто капельки начинавшего моросить дождя и решительно открыла калитку. Жившая напротив дома Рыбаковых Валентина Крушинина стояла у своего забора и изо всех сил старалась разобрать громкий разговор, доносившийся из соседского дома. Но, к своему великому сожалению, не расслышала почти ничего.

В недоумении ушла Валентина домой, решив, что зря мокнуть под осенним дождем не имеет смысла, и уже в окно увидела, как приехавшая дама в модном пальто вскоре удалилась из дома Рыбаковых, имея довольно сердитый вид.

Спустя пару дней после этого сама Дарья собралась в райцентр. Обратившись к соседке, жившей рядом кривой Галине Черемных, чтобы походила два дня за ее скотиной, Дарья уехала в райцентр с самого утра. Галина, пожав плечами, спрашивать немногословную Дарью не стала, просто пообещала добросовестно похозяевать в отсутствие соседки. В конце концов, та не так часто и обращается с просьбами, и не лезет в дела соседей, за что Галина, поколачиваемая мужем регулярно, была ей благодарна. Вообще, если подумать, это было впервые, когда Дарья о чем-то попросила Галину, и соседка была даже этому рада.

А вот возвращение Дарьи вызвало много толков и пересудов, подарив местным кумушкам новый

Рубль-пять

замечательный повод для сплетен и обсуждений. Дело в том, что вернулась Дарья не одна, а со свертком в казенных роддомовских пеленках и одеяльце. Это и была Натка.

Родив дочку, Элеонора умерла, не придя в сознание, а так как перед поступлением в роддом единственным родственником она указала свою мать, то спустя время к Дарье и приехала строгая дама из какой-то там комиссии по сиротам. Элеонора, будто зная, что умрет, оставила письмо матери, с поручением назвать дочку Натальей.

Отругав Дарью, что та бросила дочь, и теперь внучка остается сиротой при живой бабке, дама взывала к совести.

Ну, видимо, у Дарьи она была, потому что, смилив себя, она все же внучку забрала и нужные документы оформила. Так оказалась Натка в маленькой деревушке, затерянной в лесах Приуралья.

Натка родилась нездоровой, одна нога у нее оказалась короче другой, по какой такой причине — кто ж в деревне разбирался. Наверное, в роддоме про это сказали, какие-то рекомендации давали, но Дарья про это молчала.

Может, и можно было это лечить, но либо Дарья про то не знала, либо что еще. Недуг был совсем небольшим, какие-то сантиметры, но, когда несмышленная Натка только начала ходить, хромота стала заметна. Потом как-то все свыклись, что у Дарьи внучка-калека, посудачили, да и перестали обращать на это внимание.

Глава 2

А Натка росла. Несмотря на то что Дарья была ей на самом деле скорее бабкой, чем бабушкой, и держала внуку в строгости, как и когда-то дочь, Натка имела характер добрый и улыбочивый, явно не в бабушку. Дружила Натка со всеми, хоть некоторые из деревенских детей и дразнили ее частенько за ее изъясн, и кличку обидную придумали — «Рубль-пять» ...

— Почему Рубль-пять, — едва сдерживая слезы спросила Натка рыжего задиристого Сеньку Гракова, который дразнился громче всех.

— Потому, что ты идешь: рубль — пять, рубль — пять, с ноги на ногу! — хохоча прокричал Сенька и убежал вслед за ватагой мальчишек.

Заплаканная Натка похромала домой, всхлипывая и размазывая по чумазым щекам горькие слезы и намереваясь пожаловаться бабушке. Уж та точно найдет на Сеньку и остальных управу, будут знать, как дразниться! Бабушку все в деревне боялись, за

Рубль-пять

проказы могла любого озорника и хворостиной отходить, и попробуй жалуйся потом родителям — те еще добавят...

— Что сырость развела, — сердито проворчала бабка Дарья, завидев вошедшую в калитку заплаканную девчонку. — А ну, сопли подбери да сходи дай зерна курам! Хоть толк от тебя будет.

— Бабушка, меня мальчишки дразнят! Уродом называют, хромоножкой и еще Рубль-пять! Граков и Терехов Борька, и еще...

— Хватит ныть, я сказала! — прикрикнула Дарья. — Ну и дразнят, так что — ты ж и есть хромоногая, привыкай! Жизнь долгая, нога твоя не отрастет, всю жизнь такая будешь! Все, не жалуйся, иди лицо умой да кур корми, нечего болтать попусту!

С той поры не жаловалась Натка ни бабушке, никому. Молча сносила и насмешки сверстников, и притворно-жалостливые вздохи соседок. Не жаловалась и улыбалась приветливо всем. Даже когда вошла в отроческий возраст, и в рост костей все ее худенькое тельце разламывалось от боли, наливались и деревенели мышцы от напряжения. Ночью ноги сводило так, что Натка однажды прокусила себе губу, сдерживаясь, чтобы не закричать и не разбудить бабушку.

Вот тогда она и научилась «прятать» от всех свою хромоту — ходить она стала, приставляя одну ногу «на цыпочку». Все тело при этом напрягалось, поясница к вечеру болела невероятно, но Натка терпела и не жаловалась, ибо не было

Алена Берндт

в этом смысле. Со временем походка ее стала плавной, «с мысочка», ровная спинка и приветливый взгляд, за ними не стало видно тщательно спрятанной хромоты и невыносимой боли.

Училась Натка хорошо, всего лишь одна и была у нее четверка — по физкультуре. Потому что принципиальная бабушка попросила учителя физкультуры спуску внучке не давать и гонять вместе со всеми.

Учитель физкультуры, Геннадий Павлович, прекрасно понимал, что «как все» Натка не сможет, и чаще усаживал ее на скамейку, но спорить со строгой бабкой не желал, потому и ставил в журнал четверки. Зато он показал Натке упражнения, которые укрепляли мышцы, снимали напряжение, и их можно было делать при ее состоянии. Наверное, благодаря этому к выпускному классу Натка имела точеную фигурку.

Натка сама и не заметила, что вдруг перестали ее дразнить. И не слышно стало ни «хромоножки», ни более обидного «Рубль-пять», и тот же Сенька Граков, смущаясь и краснея, предложил ей как-то понести домой ее портфель.

— Смотри у меня! Принесешь в подоле, как мать — вот этими руками придушу! — ругала ее бабка Дарья, непонятно только за что. — Мне все равно, я старая! Сперва тебя придушу, потом сама в омут брошусь, чтоб на этот свет не глядеть больше! Только увижу еще около тебя этого паршивца Сеньку, или еще кого, тебе все космы выдеру! Ей-ей, наголо побрею, чтоб ни один на тебя не поглядел!

Рубль-пять

Натке очень хотелось спросить, что же такое — «принести в подоле», но бабушку она боялась так, что язык сам прилипал к гортани, отказываясь шевелиться. А Сеньку она и сама видеть не хотела — его она тоже боялась, так и ждала, что вот сейчас глянет насмешливо и закричит: «Рубль-пять, рубль-пять!» Какой уж тут портфель — несла сама, спиной ощущая, как топает Сенька следом, недовольно посапывая от того, что эта вредная девчонка ему отказала!

Вообще, хоть и улыбалась Натка всем приветливо, а боялась она всего этого мира, пребывание в котором приносило ей ежедневные страдания — дорога до школы и обратно, по выезженной неровной и комковатой колее причиняла боль, хотелось лечь в нее, и пусть тебя переедет колхозный трактор, и все это закончится... Но надо идти, потому что сегодня бабушка велела почистить у курей и приготовить пойло для Голубки, бабушкиной невысокой, но очень удойной коровки.

Сама Дарья с колхоза не спешила уходить, хоть уже и была на пенсии, поэтому уставала к вечеру, и основные заботы по хозяйству лежали на Натке.

— Учись всему! Все должна уметь сама управлять! Я помру — помогать тебе никто не станет, кому калека нужна! — говорила Дарья внучке, растирая вечером больные отекавшие ноги каким-то настоем.

— Бабушка, давай я тебе помажу, мне сподручнее. — Натка брала из рук бабушки флакончик с темной жидкостью и усаживалась перед ней на низенькую табуретку. — Бабушка, а может, тебе

Алена Берндт

к врачу сходить, показать ноги? Говорят, в районной амбулатории новый врач, хороший! Из Куйбышева приехал к нам!

— Это кто ж тебе доложил? Тоже, важная птица — все ей докладывают! Не городи чепухи, кто из Куйбышева к нам поедет, да еще врач!

— Учительница по литературе сказала, — тихо ответила покрасневшая Натка. — Она сказала, что мне тоже... тоже надо показать свою... ногу. Сейчас медицина вперед идет, может быть, какое-то лечение, процедуры...

— Что, укол сделают — и нога вырастет? Или таблетку дадут? — во весь голос расхохоталась Дарья. — Нет, Натка, не придумали еще такого укола. И учителька твоя пусть не лезет не в свое дело, так ей и передай! Нашлась тоже, докторша! Пусть книжки читать учит, а не как ноги лечить!

Натка опустила голову, покраснев еще больше, и продолжила натирать бабушкино колено остро пахнувшим лекарством. Вообще-то, муж учительницы литературы был фельдшером на местном пункте. И это он посоветовал жене сказать такое Натке, когда, встречая жену после занятий, увидел девочку, которая шла, крепко стиснув кулаки и стараясь не потерять равновесия на комковатой дороге.

Еще от учительницы Натка узнала, что есть лекарства, снимающие боль и судороги в мышцах... Но бабушку было не переспорить, и девочка понимала, ее удел — это каждодневное терпение. И боль.

Глава 3

— Нет, и не думай — никуда не поедешь! Никакого института, еще чего! Незачем тебе это, до добра не доведет! Я уже договорилась с председателем, как школа закончится — возьмет себя в контору, что-то там писать будешь! И здесь работать научат!

Бабка Дарья и слышать не хотела о том, чтобы Натке отправиться в город, за двести километров от деревни и поступить в институт. Школу в деревне уже давно сделали десятилеткой, а местный леспромхоз и колхоз-миллионер обеспечивали приток в школу хороших учителей. Да и саму деревню уже и деревней было не назвать — скорее большое село Семеновка.

Вот и у Натки в аттестате были одни пятерки, даже по физкультуре учитель выставил ей каким-то образом отличную оценку, но заикнуться бабушке про поступление в институт она долго не решалась.

Алена Берндт

Как-то классная руководительница Елена Степановна спросила у Натки, куда же она собирается поступать, кем хочет быть, и с удивлением услышала:

— Я, наверное, здесь останусь, с бабушкой. Она сказала, что в соседних Озерках есть училище, там учат на швею. Вот туда и могу пойти — можно утром уезжать на учебу, а на вечернем автобусе возвращаться. А далеко куда-то она меня не пустит...

Собралась Елена Степановна и весенним теплым вечером отправилась к дому Рыбаковых, чтобы поговорить с Дарьей Ивановной о будущем внучки и попытаться убедить ее в том, что девочке просто необходимо учиться дальше.

— Знаю, зачем ты явилась! — недобро встретила гостью сама Дарья, стоя на крыльце своего дома и сложив на груди натруженные руки. — Иди домой и не в свое дело не суйся.

— Отчего же не в свое! — мягко улыбнулась учительница. — Я учитель, по этому вопросу к вам и пришла. Дарья Ивановна, вы на меня не сердчайте, я ведь ни вам, ни внучке вашей зла не желаю. Но ведь у Натальи просто блестящий аттестат, она способная и старательная! Какая швея, зачем вы ее туда толкаете? Она может легко поступить в институт! Тем более что у нее еще и льготы какие-то будут, нужно узнавать. Дадут общежитие, стипендия будет! Вы ее спросите, кем она сама хочет стать.

— Ишь, выискалась! — тихо, но с такой злобой проговорила Дарья и шагнула с крыльца навстре-

чу госте. — Учить меня вздумала? Так я сама тебя так проучу, мало не покажется! А ну, пошла отсюда! В своем дворе будешь командовать! Институт! Еще чего придумала, вот вырасти своих сначала, а потом поговорим! Ну? Марш отсюда!

Ничуть не стесняясь вытарашившейся на происходящее из своего двора Вали Крушининой и протестов самой Елены Степановны, Дарья вытолкала учительницу за калитку, щедро осыпая ее громкой бранью. Потом хлопнула щеколдой, заперла калитку и пошла в дом, где испуганная Натка давно забилась в самый дальний угол и теперь горько плакала, закрыв лицо руками.

В тот день бабка Дарья впервые побила Натку. Взяла пластмассовую ярко-синюю хлопушку, купленную недавно в хозмаге, чтобы выбивать половики, и отходила девчонку как попало, до красных рубцов по всему телу, повторяющих узор самой хлопушки.

Натка молча сносила побои, только закрывала руками лицо, ни звука не слетело с ее крепко сжатых губ, и бабку это сердило еще больше — удары становились все чаще и размашистее...

Когда Дарья сама очнулась и опустила руку, тяжело дыша, Натка отняла руки от лица и так глянула на бабку, что у той кровь ринулась в лицо жаркой рекой. Не было в Наткином взгляде ни злости, ни гнева, была только такая укоризна и... любовь, что дрогнула каменное бабкино сердце.

Нет, не настолько, чтобы приласкать внучку, прощения попросить, а лишь настолько, что-

Алена Берндт

бы повесить на гвоздь в сенях эту проклятую хлоп-пушку. Хлопнув со всей силы дверью, Дарья ушла в хлев, якобы по делу, а сама прислонилась к нижней дверке, привалилась спиной и закрыла глаза, пытаясь успокоить рвавшееся наружу сердце. Голубка вопросительно смотрела на хозяйку умными и добрыми глазами, будто понимая, что той сейчас нелегко, и Дарья обхватила кормилицу руками, обняла и припала к теплой шее — только и есть у нее что Голубка, чтобы пожаловаться, а другим слабыны своей не показать...

Натка же после побоев не проронила ни слезинки. Просто встала и пошла к умывальнику — умыть разгоряченное лицо. И на бабушку она не сердилась, ей было все равно, не было внутри ничего — только чернильно-черная пустота.

Умывшись, отправилась Натка в свой закуток и, обернувшись в зеленое покрывало, отвернулась к стене. Пустыми глазами смотрела она на покрывающий стену старенький ковер с лебедями, на камыш по краям чуть потершегося и потускневшего от времени пруда...

Дарья вернулась в дом поздно. Заглянув к Натке, она хотела бы позвать ее поужинать, но поняла, что внучка спит и не стала ее будить. Невыносимо было ей посмотреть сейчас еще раз в лицо внучки, побитой ее тяжелой, натруженной деревенской работой рукой...

Налив себе в кружку воды, Дарья отрезала краюху хлеба и стала есть, глядя в темноту, разлившуюся

Рубль-пять

ся за окном. Весенний ветерок доносил до нее звуки гуляющей где-то по улицам молодежи, смех и песни девчат, хохот парней... Нет! Не отдаст она Натку, никуда та не поедет, ни в какой городской институт! Не позволит Дарья совершить с внучкой то же, что стряслось когда-то с дочкой... Дарья обхватила руками голову, горьким показался ей сейчас хлеб.

Уже стихли все звуки, когда пошла Дарья в кровать. Однако услышав, как мечется и стонет внучка во сне, она опрометью бросилась в маленькую комнату, отгороженную легкой шторкой.

Натка вся горела и бредила, звала во сне маму, чуть взмахивала рукой, будто от чего-то защищаясь. До утра просидела Дарья у кровати внучки, ни на миг не сомкнула глаз. А поутру позвала соседку и попросила, чтобы та сходила в медпункт и пригласила к ним фельдшера.